

Архимандрит Александр (А. Н. Федоров)

**Характерные тенденции
в создании форм венчающей части
русских храмов**

Венчающие части храмов играют важную роль в постепенной вертикализации их объемов и создании выразительного силуэта зданий. И то и другое связано с градостроительным и ландшафтным контекстом. В статье рассматриваются характерные венчающие части русских церквей и этапы их появления в отечественной истории. Говорится о возможности их применения в современной церковной архитектуре.

Ключевые слова: венчающие части церквей; деревянное зодчество; колокольни; композиция; многоглавие; пятиглавие; силуэт; церковная архитектура

**Александр, архимандрит
(Федоров Александр Николаевич)**

Настоятель Императорского Петропавловского собора
и церкви Св. Екатерины в Академии художеств
(Московский патриархат, Санкт-Петербургская епархия).
Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви.
Прфессор кафедры церковно-практических дисциплин.
Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина.
Прфессор кафедры истории архитектуры
и сохранения архитектурного наследия.
Председатель Санкт-Петербургской епархиальной комиссии
по архитектурно-художественным вопросам.
Кандидат богословия, кандидат архитектуры,
доктор искусствоведения, профессор.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17.
E-mail: igumen.alexander@mail.ru

Archimandrite Alexander (Alexander Fedorov)

**Characteristic Tendencies
in the Creation of Forms of Crowning Parts
of Russian Church-Buildings**

Crowning parts of church-buildings play an important role in the implementation of the historical process of gradual verticalization of their volumes over time and the creation of an expressive silhouette of buildings. Both are associated with urban planning and landscape context. The article examines the characteristic crowning parts of Russian church-buildings and the stages of their appearance in Russian history. The possibility of their use in modern church architecture is discussed.

Keywords: crowning parts of church-buildings; wooden architecture; bell towers; composition; multi-domed church; five-domed church; silhouette; church architecture

Archimandrite Alexander (Feodorov, Alexander)

Dean of the Imperial St Peter and St Paul Cathedral and the St Catherine Church of the Russian Academy of Arts (Moscow Patriarchate, St Petersburg Diocese).

St Petersburg Orthodox Theological Academy.

Professor of the Church Practical Disciplines Department.

St Petersburg Repin Academy of Fine Arts.

Professor of the Department of History of Architecture and Preservation of the Architectural Heritage.

Chief of the Diocesan Architecture and Art Commission.

PhD in Theology, PhD in Architecture, Doctor of Sciences in Art History, Professor.

Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya nab., 17.

E-mail: igumen.alexander@mail.ru

Известно, что в композиционных решениях христианских храмов с течением времени усиливается вертикальность. Это общая закономерность, но каждый регион дает множество различных вариантов развития названной тенденции. В таком контексте интересен отечественный подход к данному явлению [4; 12]. На фоне трансформации общего пропорционального строя храмов важно отношение зодчих к их венчающим частям.

В русском церковном зодчестве среди преобладающих форм завершения архитектурного объема, в которых процесс вертикализации находит свое отражение, могут быть рассмотрены, начиная с ранних примеров, следующие.

– Купольное на барабане завершение центральной части храма над позакомарным покрытием (Успенский собор Киево-Печерской лавры, большинство храмов XII в.) или многоглавие (трех-, пяти-, семи- тринадцатиглавие) над аналогичными сводами и покрытием (Спасо-Преображенский собор в Чернигове, Софийские соборы Киева, Новгорода и Полоцка).

– Центрические одноглавые композиции (ряд построек Галицкого княжества).

– Появившиеся в XII в. трехлопастные формы венчания (впервые – над притворами храма Спаса на Берестове в Киеве) и кокошники, то есть декоративные закомары (Спасо-Евфросиньевская церковь в Полоцке), которые могут быть и диагональными, что будет в дальнейшем активно применено в раннемосковском зодчестве.

– Одноглавая композиция с трехлопастным завершением фасадов при приподнятых подпружных арках и пониженных углах

здания (начиная от Пятницкой церкви в Чернигове) или только с пониженными углами (Новгородские церкви XIII–XV вв.).

– Ступенчатые и восьмискатные покрытия с одной главой (храмы Пскова, а позднее и Новгорода). Килевидные закомары (могут быть и трехлопастные элементы) при поднятых подпружных арках и одноглавом завершении композиции (раннемосковские храмы).

– Подколоколенные храмы при общей крестово-купольной структуре (Духовская церковь в Троице-Сергиевой лавре) или при башнеобразном решении (несохранившийся храм Свт. Григория Армянского в новгородском Варлаамо-Хутынском монастыре).

– Перекрестные полуцилиндрические и перекрестно-ступенчатые своды бесстолпных псковских церквей с одной главой (храм Николы Каменноградского во Пскове и несохранившаяся Успенская церковь во Гдове соответственно).

– Московские одноглавые храмы конца XV – XVII в. с крещатым сводом при трехлопастном завершении фасадов или с покрытием из трех рядов кокошников, также со ступенчато-крещатыми сводами (последовательно: храмы Св. Трифона в Напрудном, Архангела Михаила в Архангельском, Покрова в Рубцове).

– Пятиглавые соборы с позакомарным покрытием и смешением глав к востоку (по образцу Успенского собора Московского Кремля). (Вообще к пятиглавию русские зодчие обращались вновь и вновь, за исключением времени ордынского ига).

– Московские шатрово-столпообразные церкви (начиная XVI столетия: Вознесения в Коломенском, храмы Александровской слободы, Иоанна Предтечи в Дьякове, Покрова на Рву).

– Возвращение к центрическим одноглавым церквям (собор Высокопетровского монастыря).

– Пятиглавие XVI в. на объеме с повышенными подпружными арками, развивающим раннемосковскую традицию (собор Старицкого монастыря).

– Пятиглавие над двустолпием, расположенным по поперечной оси центральной главы (Благовещенский собор в Сольвычегодске и Сретенский собор Сретенского монастыря в Москве).

– Храмы XVII в. с сомкнутым сводом и преимущественно глухими шатрами (храм Рождества Богородицы в Путинках в Москве). Пяти- или одноглавые храмы с сомкнутым сводом, с частично или полностью глухим решением глав (Троицкая церковь в Никитниках в Москве).

– Ярусные подколоколенные храмы конца XVII в. (Спасо-Преображенский храм в Уборах). Для них же характерно пятиглавие с расположением глав по ветвям креста, а не диагонально (церковь Покрова в Филях) или трехглавие (Троицкая церковь в Троицком-Лыкове).

– Шатровые или ярусные колокольни (начиная с XVII в., практически повсеместно). Впоследствии также колокольни со шпилем или башнеобразные (начиная с XVIII столетия), реже двойные колокольни над западной частью храма (Троицкий собор Александро-Невской Лавры).

– Одно- или пятиглавые церкви с четырехскатной кровлей (Троицкий собор во Пскове).

– Купольные венчания над базиликальными или зально-базиликальными объемами (Петропавловский собор в Петербурге).

– Возвращение к световому пятиглавию над крестово-купольными объемами в середине XVIII в. (Николо-Богоявленский собор в Петербурге), с продолжением этой традиции в эпоху классицизма (Спасо-Преображенский собор в Петербурге), иногда с расстановкой куполов по ветвям креста (Троицкий Измайловский собор в Петербурге), а также в эпоху национального направления в русской архитектуре (храм Христа Спасителя в Москве).

– Многочисленные ярусные объемы – восьмерик на четверике и четверик на четверике с одно- и пятиглавием в синодальный период.

– Пятишатровые церкви или пятиглавые с шатром над центральным куполом (Благовещенский храм Конногвардейского полка и Спас на Крови в Петербурге соответственно).

– Три- и тетраконхи с одно- или пятиглавым венчанием (преимущественно в храмах византийского стиля).

– Возвращение к купольному, реже пятиглавому, иногда подколоколенному завершению над центрическим объемом в эпоху классицизма с XVIII в. (ряд построек Н. А. Львова) и позднее, в эпоху национального направления в архитектуре (Казанская церковь Новодевичьего монастыря в Петербурге).

– Одно- или пятиглавие над двумя парами перекрещенных арок (Успенский храм Киево-Печерского, ныне Оптинского, подворья в Петербурге и Великокняжеская усыпальница Петропавловского собора в Петербурге).

– Можно также отметить редкий прием подражания Св. Софии Константинопольской как в плановой структуре, так и в венчании (Кронштадтский Николаевский Морской собор и Андреевский собор в Поти).

Это основной набор традиционных вариантов, но могут быть и более сложные комбинированные решения. Для традиционных деревянных церквей вид венчания прямо связан с наименованием их типов: клетские, ярусные, шатровые, многоглавые и кубоватые. Начиная с XVIII в. в дереве параллельно с традиционными могут существовать композиции, созданные под влиянием каменно-кирпичной архитектуры.

В данном контексте небезынтересным было бы также решение вопроса о времени появления в русском зодчестве луковичных глав. Полярно противоположные исследовательские точки зрения на эту тему представлены А. М. Лидовым, указывающим на XVII в. [6] и С. В. Заграевским [3], относящим его к XIII в. При этом оба автора достаточно серьезно аргументируют свои позиции. Вне зависимости от результатов этой дискуссии надо заметить, что килевидные формы архитектурных деталей как «двуухмерный аналог» луковицы появляются уже в XII столетии (небольшие ниши в храме Апостолов Петра и Павла в Смоленске и кокошники Спасо-Евфросиньевской церкви в Полоцке). Устремленность вверх постепенно охватывает и детали, как, например, лопатки с полуколонками в храмах непосредственно предмонгольского времени, подчеркивающими вертикальное движение.

Интересно отметить узловые отрезки времени в русской истории, которым соответствуют изменения венчающей части храмов.

Так, для Киевской Руси, когда началось возведение каменных храмов, характерны многоглавие с несколько пирамидальным расположением глав и позакомарное покрытие.

Двенадцатому веку – веку раздробленных княжеств – свойственны преимущественно одноглавые композиции (исключение составляют несколько новгородских храмов 1110-х гг. – трехглавые Благовещенский на Рюриковом городище, Георгиевский Юрьева монастыря, Рождества Богородицы Антониева монастыря и пятиглавый Никольский на Ярославовом дворище, а также пятиглавый Успенский собор во Владимире, представляющий собой расширенную Всеволодом III постройку Андрея Боголюбского) В подавляющем большинстве это шести- или четырехстолпные объемы, типологическим прообразом которых является Успенский собор Киево-Печерской лавры. Отчетливо динамика венчающей части заметна только в Спасском храме Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке.

В данном контексте важной вехой в развитии русской архитектуры стало предмонгольское время, когда она стала обретать большее межрегиональное единство за счет формирования ступенчатых композиций венчающей части храма, преимущественно за счет повышения подпружных арок под барабаном купола при понижении углов основного объема. Интересно, как эта тенденция охватила разные русские земли, органично накладываясь на сложившиеся в XII в. местные традиции.

Архитектура раннемосковского периода, связанного с началом возвышения Москвы, оказалась преемницей не только владимиро-суздальского белокаменного зодчества, но, что весьма символично, и общерусских достижений предмонгольского времени.

Последняя четверть XV – начало XVI в. – период обретения Московским государством независимости и уже немалой силы. Русская архитектура этого времени характеризуется достаточной самобытностью, когда вклад иноzemных мастеров (в частности, постройки итальянских архитекторов при Иване III) принципиально

не нарушает, а аккуратно дополняет ее развитие. (Впрочем, так было и прежде, в XII в., при приезде романских зодчих в Галицкое и Владимиро-Суздальское княжества.) Именно при реконструкции Московского Кремля отечественная церковная архитектура после большого перерыва вновь получает пятиглавие, а схема расположения глав, заложенная Аристотелем Фиораванти в композицию Успенского собора, послужила типологической основой венчающей части для наиболее ярких пятиглавых соборов XVI и отчасти XVII столетий.

Шестнадцатый век – век преобразований в государственной и церковной политике (царство, а затем и патриаршество) – отмечен появлением новых тем в архитектуре и изобразительном искусстве. Наряду с эффектным постфиоравантиевским пятиглавием и скромными бесстолпными храмами с крестчатым сводом наиболее заметным явлением становится новый тип – шатровые и шатрово-столпообразные церкви. Бесстолпные храмы имеют свой путь развития. Активно строившиеся накануне XVI в., особое распространение они получили в двух последующих столетиях [11], сначала с крестовым, а потом с сомкнутым сводом.

Середина XVII столетия связана с двумя большими темами. Во-первых, это распространение в архитектуре нетектоничных тенденций, выраженных в таких явлениях, как глухие шатры и главы, сбитые оси на фасадах в храмах московского узорочья. И весьма интересно увидеть это, так скажем, расхождение формы и содержания на фоне кризиса, породившего одно из тяжелейших событий в отечественной истории – церковный раскол. Во-вторых, это преодоление зодческого кризиса благодаря воле патриарха Никона, прежде всего проявившейся в его непосредственных творческих замыслах и решениях. Отменяются глухие шатры, возвращается тектоничное пятиглавие (собор Иверского монастыря), появляются замечательный пространственный шатер (новый Иерусалим), логично решенные фасады никоновских построек. В итоге общий кризис остался позади.

Конец XVII в. – время юного Петра I – ознаменовалось формированием нарышкинского стиля. Этот период породил не только

новый архитектурный стиль, но и новый – ярусный – тип подколоколенных храмов и колоколен. Под влиянием архитектуры воссоединенных украинских земель в России распространяются особый вид пятиглавия – с расположением глав по ветвям пространственного креста, трехглавие в линию, а также одноглавие над крестообразным (четырехлепестковым) планом.

Формы древнерусского деревянного церковного зодчества ранних периодов остаются весьма гипотетическими, хотя известно, что новгородский Софийский собор имел многоглавого предшественника, выполненного из дуба. С конца XV в. предметно известен клетский тип, а чуть позже, несколько опережая монументальные шатровые постройки, появляются шатровые церкви в дереве. Также и в конце XVII в. ярусный тип присутствует как в кирпичных, так и в деревянных церквях, при этом прием «восьмерик на четверике» и родственные ему схемы явно приходят в каменные постройки из форм деревянного зодчества.

Петровская и Аннинская эпохи отмечены строительством одноглавых храмов с колокольнями, увенчанными шпилями.

Середина XVIII в. характеризуется очередным возвращением пятиглавия. Императрица Елизавета Петровна стимулирует этот процесс.

Эпоха классицизма наряду со скромными приходскими постройками рождает особо значимые монументальные сооружения с одно- и пятикупольным венчанием (Казанский и Исаакиевский соборы в Петербурге) [2].

Архитектура национального направления [7], господство которого обусловлено несколькими этапами общественного подъема, весьма разнообразна: это и стасовские и тоновские пятиглавые объемы, и множество вариантов русского и византийского течений, и типологическое подражание Софии Константинопольской в Кронштадтском Николаевском Морском соборе с особым софийским куполом на двух больших и пяти малых четвертьсферических сводах.

Возрождение храмового строительства на рубеже XX–XXI вв., как и развитие архитектуры XIX – начала XX в., связано с примене-

нием самых разных форм из храмостроительной традиции предшествующих времен [5]. Используя в современной церковной архитектуре весьма широкий арсенал средств, неплохо было бы, как в зрелые периоды христианского храмового строительства, применять его с учетом функциональных, эстетических и конструктивных аспектов максимально тектонично и, конечно, в контексте среды.

Для этого имеет смысл рассмотреть отдельно наиболее характерные черты венчающих частей русских храмов как в каменно-кирпичной архитектуре, так и в деревянной.

Позакомарное покрытие само по себе является ярким выражением тектонической системы построения храмового объема. Думается, что и сегодня его использование логично именно в таком ключе, хотя и с применением современных материалов.

Многоглавие может быть световым, при этом с разным расположением глав, а может быть, условно говоря, только символическим, при этом полностью или частично глухим. Возможно и использование боковых глав к качеству звонниц. Все зависит от задач, поставленных автором, но исторический опыт все-таки показывает преимущество функциональных решений.

Трехлопастные формы весьма характерны для русского зодчества, поэтому их современное переосмысление при аккуратном подходе было бы вполне результативным.

Шатры, о якобы полном запрете которых сложилось довольно некорректное представление, конечно, допустимы, но, как и многоглавие и закомары, желательно использовать их с функциональным и конструктивным осмысливанием.

Ярусность может дать много интересных и композиционно эффектных решений.

Скатные кровли уместны при самых разных стилистических подходах к проектированию церквей, тем более если автору импонирует обращение к классической традиции.

В этом же случае уместны фронтоны (но в более национально ориентированной стилистике), шипцы и кокошники (хотя последние подразумевают превалирование декоративности над конструктивностью).

Использование три- и тетраконховых структур, выявленных во внешнем объеме, вполне возможно и сегодня, и не только при ориентации на византийский стиль рубежа XIX–XX вв., а гораздо шире. Тем более что они были взяты в это архитектурное течение не только из церквей афонского типа (триконхи), но также из храмов Закавказья, хотя они известны и германской романике, и даже дороманской архитектуре. Из древнерусского наследия достоверно известен только один пример триконха из XIII столетия (Спасо-Преображенский храм в Новгороде Северском).

Колокольни в русской традиции рождаются не из башен, а из подколоколенных храмов. И сейчас вполне уместны самые разные решения – как надхрамовое размещение колоколов, так и расположение их в примыкающих или отдельно стоящих вертикальных колокольнях-доминантах. А при более скромном подходе или желании псковских ассоциаций, конечно, возможны и невысокие звонницы, опять-таки надхрамовые или располагающиеся рядом.

Для русского деревянного зодчества могут быть названы следующие варианты венчаний церквей [9], вполне применимые и сегодня, но также с учетом возможности их максимально тектоничной и функциональной реализации.

Это двух-, четырех- и восьмискатные кровли, колпаки и шатры, бочки, крещатые бочки и кубы, ярусные схемы венчания (восьмерик на четверике и родственные схемы).

Многоглавие на храмах клетской основы может быть на четверике, в том числе над восьмискатной кровлей по ветвям креста [8] или над четырехскатной крышей (колпак) диагонально, а также на восьмерике, либо совсем иначе – по ярусной схеме [9].

Не стоит забывать, что все названные элементы складываются в формирующийся выразительный силуэт храма, а вместе с тем и общий силуэт города или ландшафта. А если посмотреть еще глубже, то станет очевидным, что динамика формирования объемов церквей, их типов и разновидностей типов, их стилистических особенностей происходила во взаимодействии с градостроительным развитием [1, гл. 2]. Иными словами, тут и прямая,

и обратная связь – храм обращен к городу и ландшафту, структурируя их пространство, а городское пространство и ландшафт влияют на формы храма и их отдельные составляющие. Именно это положение стоит иметь в виду при использовании в проектировании храмов характерных традиционных элементов, чтобы в целом возникающая композиция здания и общее его стилистическое направление рождались в контексте структуры окружающего пространства и городского или ландшафтного силуэта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александр (Федоров), игум.* Образно-символическая система композиции древнерусского города. СПб. : Специальная литература, 1999. 216 с., ил.
2. *Грабарь И. Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. СПб. : Санкт-Петербург оркестр, 1995. 592 с., ил.
3. *Заграевский С. В.* Формы глав (купольных покрытий) древнерусских храмов. М. : Алев-В, 2008. 46 с., ил.
4. *Ильин М. А.* Каменная летопись Московской Руси. Светские основы каменной архитектуры XV–XVII вв. М. : изд-во Моск. ун-та, 1966. 270 с., ил.
5. *Лайтарь Н. В.* Современная православная церковная архитектура России. Тенденции стилевого развития и типология храмов. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб. : Институт имени И. Е. Репина, РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. 28 с.
6. *Лидов А. М.* Иерусалимский кувуклий. О происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры : сб. науч. тр. ВНИИТАГ / под ред. А. Л. Баталова. М. : Изд-во ВНИИТАГ, 1990. 212 с. С. 57–68.
7. *Лисовский В. Г.* «Национальный стиль» в архитектуре России. М. : Со-впадение, 2000. 416 с., ил.
8. *Манькова А. А.* Эволюция многоглавого венчания в деревянной храмовой архитектуре Прионежья : выпускная квалификационная работа / С.-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина. Факультет теории и истории искусств ; науч. рук. А. Е. Белоножкин. СПб., 2023 (машинопись). 120 с.
9. *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество. Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного, кубоватого и многоглавого типа. М. : Искусство, 1986. 310 с., ил.
10. *Поффяпольский С. С.* Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI века // Советское искусствознание. М., 1986. № 20. С. 62–91.
11. *Попадюк С. С.* Теория неклассических архитектурных форм : Русский архитектурный декор XVII века. М. : Эдиториал УРСС, 1998. 192 с., ил.
12. *Pannoport П. А.* Древнерусская архитектура. СПб. : Стройиздат, 1993. 288 с., ил.